

НЕВОЗМОЖНОСТЬ СООБЩЕСТВА ПО-БЕЛОРУССКИ

Алексей Браточкин¹

Рецензия на книгу: Мацкевич У., Вадалажская Т.
Станаўленне і развіццё супольнасцей,
в: Мацкевич У., Вадалажская Т., Ягораў А.
Беларусь для пачаткоўцаў: ад разумення да дзеяння.
Мінск: Логвінаў, 2012, 7–63.

Сборник *Беларусь для пачаткоўцаў: ад разумення да дзеяння* подготовлен для публикации группой авторов, связанных с методологическим сообществом «Агентство гуманитарных технологий» и общественным объединением «Центр социальных инноваций». Авторы рецензируемого текста – социолог Татьяна Водалажская и методолог Владимир Мацкевич.

В небольшом предисловии к работе *Станаўленне і развіццё супольнасцей* обозначен ряд проблем, ради решения которых и был написан текст. Наиболее существенной является проблема понимания того, что происходит в Беларуси: попытки перенимать уже имеющийся европейский опыт работы с локальными сообществами и применять его в Беларуси проваливаются, так как социальная действительность здесь отличается от того, что имеется в Евросоюзе. И, соответственно, реализация в рамках европейских программ проектов, направленных на развитие сообществ в Беларуси, нуждается в других подходах и экспертных оценках. С наличием этой проблемы трудно не согласиться, и авторы текста предлагают её решение: *во-первых*, пытаются историзировать опыт развития сообществ в Беларуси, *во-вторых*, предлагают свои рекомендации по работе с сообществами, опираясь на примеры деятельности собственных организаций. Но насколько эти экспертные оценки и рекомендации верны?

Отвечая на этот вопрос, следует начать с анализа «исторической» части текста, в которой авторы пытаются описать имеющиеся в Беларуси формы социальности с исторической точки зрения, уделяя большое внимание завершившемуся не так уж давно советскому периоду. Сразу же выдвигается тезис о том, что «в Беларуси нет местных сообществ и местного самоуправления». И хотя авторы оговариваются, что этот тезис может показаться «ошибочным», «эпатажным» или «провокационным», тем не менее они обозначают его в

¹ Алексей Браточкин – историк, редактор интернет-журнала *Новая Еуропа*, эксперт Центра европейских исследований (г. Минск, Беларусь).

качестве точки отсчёта для своих дальнейших рассуждений. Далее утверждается, что «разрушение местных сообществ и местного самоуправления» в сегодняшней Беларуси – это результат «целенаправленной политики советской власти». Хотя к моменту написания текста после развала СССР прошло всего лишь шестнадцать лет, с этим тезисом можно согласиться лишь отчасти, как и с такой категоричной оценкой советского опыта и его последствий.

Какие аргументы приводят авторы в пользу тезиса о том, что именно советская власть методично разрушала все имеющиеся формы социальности и местного самоуправления? Один из первых аргументов обозначается в разделе *Сфера публічнага жыцця і адміністрацыйныя адносіны*: по мнению авторов, на протяжении всей истории Советской Беларуси «начальство на всех уровнях – республиканском, областном, районном – назначалось не из местных жителей», а сами эти руководители должны были включаться не в социальные взаимосвязи с местным населением, а всего лишь во «властное административное сообщество». Именно это должно было укреплять практики «управления империей», успешно применённые в СССР.

Вся эта аргументация не является полной правдой, хотя и имеет модный «постколониальный» оттенок. Для её критики достаточно вспомнить политику «коренизации» 1920-х, когда на различные должности в государственном аппарате назначались местные уроженцы, для расширения лояльности местного населения советской власти, или вспомнить двух послевоенных высших партийных лидеров БССР – Кирилла Мазурова и Петра Машерова, имеющих белорусское происхождение. В своём исследовании белорусских элит коммунистической эпохи американский автор Майкл Урбан также не разделяет тезис о том, что их состав регулировался исключительно из московского «центра».²

Далее авторы текста говорят о том, что на местном уровне население никак не могло влиять на принятие существенных решений, как это и не могли делать местные «низовые» органы власти. Авторы также проводят параллели с сегодняшней Беларусью, констатируя отсутствие выборов и возможности принимать решения, отмечая лишь, что партийное руководство эпохи СССР всего лишь сменилось на «президентскую вертикаль» при Александре Лукашенко. На этот тезис вроде бы трудно возразить, но хочется заметить, что при анализе советской истории и постсоветского периода всё же следует обратить внимание не только на то, как работали или работают формальные институты власти или народного представительства, но и на то, как неформально функционировало и функционирует общество, какие каналы связей, специфических отношений задействованы при принятии властных решений и коммуникации между властью и обществом. Без анализа этой проблемы

² Этот тезис обсуждается в заключительном разделе книги: Урбан М. *Беларуская савецкая эліта (1966–1986): алгебра ўлады*, Пер. з англ. мовы. Вільня: ЕГУ, 2010.

мы действительно будем всего лишь констатировать «отсутствие сообществ и самоуправления» и не знать, что делать дальше (например, как можно действовать в сегодняшней Беларуси помимо сложившихся официальных формальных структур: авторитарного режима, непубличного прапарламента, отказывающихся коммуницировать чиновников и т. д.).

Авторы рассуждают о том, как в СССР (и в Беларуси, конечно) осуществлялось управление обществом, как профанировалась деятельность профсоюзов и других массовых организаций, как сложилась система одновременного существования «советов» и «партии». И в качестве следствия такой системы выводят тезис о том, что в рамках этих условий «для удовлетворения своих интересов и увлечений советским людям не надо было проявлять индивидуальную инициативу и самоорганизовываться». Хотя, как обозначено, в «эпоху застоя» всё же возникли неформальные группы, ставшие потом основой для активности в период перестройки (1985–1991). Из перспективы историка трудно согласиться с тезисом о полностью пассивном советском обществе и его «пассивных» гражданах. Учитывая всю ту изощрённость стратегий, которые применялись советскими гражданами для обеспечения себе сносного существования, скорее было бы интересно проанализировать именно эти стратегии, принимая во внимание и сегодняшнюю ситуацию в Беларуси, но это в тексте отсутствует.

В тексте справедливо отмечается, что советская власть могла контролировать частную жизнь собственных граждан, опираясь как на прямое насилие, так и на распределение ресурсов (жильё и т. д.), и проводя определённую идеологическую политику в сфере образования. Но, описывая советские формы социальности, имевшие отношение к частной жизни (пребывание в коммунальных квартирах, бараках, хрущёвках, институт прописки и т. д.), авторы опять увлекаются критическими клише, не уделяя внимания более основательному анализу. Речь не идёт о том, чтобы обязательно найти в советской «коммунальности» позитивные стороны, а о том, что необходимо более концептуальное понимание того, что такое «социальное» в советском контексте и в настоящее время. В конце концов, авторы резюмируют, что в СССР не было сообществ, а были какие-то «другие» формы социальной организации, но этот вывод мало продуктивен, особенно в отсутствие чётко прописанного и рефлексивного образа «желаемого сообщества».

На основании каких теорий и концепций вообще можно сегодня рассуждать о возможности/невозможности сообществ в Беларуси и о том, какие способы социальной организации правильные или неправильные? В начале текста авторы очень условно обозначают свой нормативный горизонт, говоря о том, что есть «демократия» и что в демократическом обществе «люди имеют возможность объединяться в группы, коллективы, корпорации...», но, на наш взгляд, это довольно расплывчатое и слишком общее основание для дальнейших рассуждений.

В этом смысле странно, например, что в рецензируемом тексте нигде не упоминается хотя бы концепция гражданского общества и границы её применения к советскому обществу. Тем не менее постоянно говорится о проблеме самоорганизации общества и «борьбе» общества и государства, упоминается публичная сфера, но нет отсылок к концептам «публичности» и их применимости к советскому контексту, и так далее. Использование этих концептов и их обсуждение было бы важным, исходя даже из задачи, поставленной самими авторами текста: если знание европейских экспертов о нас не работает (а оно основано и на ряде теоретических идей, в том числе, теории гражданского общества, например), следовательно, надо и показать, почему те или иные теории не работают в белорусском контексте, предложить своё видение этого контекста и свои теории.

Что предлагают Татьяна Водолажская и Владимир Мацкевич в качестве рецептов для белорусской социальной действительности? Перед описанием их предложений стоит обратить внимание на ту интеллектуальную традицию, к которой они обращаются, а именно – «СМД-методологию», ведущую своё происхождение от идей советского философа Георгия Щедровицкого (1929–1994). Фактически, мы имеем дело с интересным феноменом: как сегодня избавиться от советского институционального наследия в виде практик уничтожения сообществ и самоуправления, опираясь на появившуюся в советскую же эпоху интеллектуальную традицию «методологии». Понятно, что методология сегодня – это, наверно, немного не то, что было раньше, хотя бы потому, что работать приходится уже с не совсем советским контекстом, но всё же хочется ещё раз сказать, что ситуация любопытна.

Авторы предлагают применить «исследование действием» и создают свой концептуальный язык для описания решения проблемы образования сообществ в Беларуси. С их точки зрения, поскольку сообществ в Беларуси нет, как они это доказали, по их мнению, в первой части текста, надо создавать новое на месте несуществующего – новые сообщества. А это можно сделать, обратившись, фактически, к интуитивной практике. Провозглашается своеобразный манифест: «Мы думаем, что есть возможность заниматься практическим созданием сообществ, не выжидая, пока теоретики и исследователи дадут точное объяснение их отсутствия в стране».

Далее авторы высказывают следующее соображение, назвав его «живое от живого»: необходимо определить, какие сообщества в Беларуси всё же пережили советскую эпоху, и понять, как это произошло. С их точки зрения, это следующие сообщества – «религиозные сообщества», «преступные сообщества», «профессиональные товарищества» (недодушенные советской властью), объединения «неформалов», возникшие ещё в период «хрущёвской оттепели», и, наконец, «диссиденты» и «некоторые клубы, организованные по профессиональному принципу и увлечениям».

Странный список, не предполагающий исторического контекста и рисующий немного метафизический образ «выжившего сообщества», – например те же самые «религиозные сообщества», пережившие советскую эпоху, явно на протяжении этой эпохи менялись под влиянием внутренних и внешних факторов, в том числе и религиозной политики советского государства. Да и сам список противоречит первому утверждению о том, что в СССР уничтожались все сообщества. Но авторы эти странности игнорируют и предлагают набираться опыта у религиозных сообществ, превращая их в «партнёров» и «союзников», и бороться с «врагами» и «конкурентами» – «преступными сообществами» и «квазиинституциональными образованиями» вроде Союза женщин или Союза ветеранов, унаследованными от советской эпохи. В союз можно вступать только с теми сообществами, которые разделяют «наши цели и подход – установку на возрождение сообществ в Беларуси».

Во втором – практическом – разделе книги предлагается различие «местных» и «экстерриториальных» сообществ (первые больше ориентированы на «сферу обеспечения жизни», а вторые – на «сферу деятельности», «сферу идей и духовных поисков»). И главная задача – создание экстерриториальных сообществ и их включение в «мировые транснациональные процессы». Далее даётся алгоритм организации возрождения сообществ: поиск «живых» сообществ и протосообществ, их «отпочкование» и т. д. Вся эта довольно тяжеловесная социальная и семантическая конструкция, по мнению авторов, должна сработать. При этом она работает даже в тяжёлых условиях отличия от европейских обществ, в которых все граждане практически имеют опыт сообществ в качестве данности, а в Беларуси такой данности нет.

Сложно спорить с такими практически герметичными построениями, которые представлены в рецензируемом тексте, проще попытаться предложить некоторое другое видение возможности сообществ в Беларуси.

Во-первых, одна из существенных задач, действительно, заключается в проблеме историзации сообществ в Беларуси, в том числе и форм социальности, возникших в советскую эпоху и позже. Но эта историзация должна избегать клише, сформировавшихся в белорусском контексте ещё в конце 1980-х – начале 1990-х и описывающих советское общество не «снизу», а «сверху», исключительно как результат «репрессивной политики» властей. И тогда мы не будем исключать советское общество из категории «общество», но понимать его специфику и видеть амбивалентные стороны советской коммунальности и понимать советский опыт не только в рамках идеи отсутствия инициативы у советских граждан. Это касается и сегодняшнего дня, и прошедших после распада СССР двадцати двух лет: за это время мы стали свидетелями как «мутации» форм советской социальности, которую не до конца понимаем, так и возникновения новых форм гражданской активности, не обязательно укладывающихся в классическую концепцию «со-

общества» (пусть не советского, но обязательно «коллектива»), на которую скорее всего опирались авторы книги.

Во-вторых, как раз принципиально важно новое теоретическое осмысление понятия «сообщество» в применении к белорусскому контексту. Идеи Жан-Люка Нанси, Джорджо Агамбена и других социальных теоретиков фактически не инструментализированы в белорусском контексте, в котором в целом существует проблема выхода за практические и интуитивные рамки деятельности. Для Беларуси вся эта проблематика крайне важна хотя бы потому, что мы перестаём быть только постсоветским обществом, мы включаемся в глобальные процессы, и постсоветская атомизация накладывает ещё на последствия глобализации вместе с запоздалыми в определённой мере попытками создать такую форму коллективности, как «нация». И нам уже пора учиться тому, как существовать в современном мире, в котором прежнее «органическое единство» невозможно, а само понятие «сообщество» является проблемой.